

Пришли туда также Анунд и Стейнар. Одд из Тунги и Эйнар со своими людьми тоже пришли туда. После того как другие люди изложили свои дела, Эгиль встал и сказал:

– Здесь ли Стейнар и Анунд, слышат ли они меня?

Анунд отвечал, что они здесь.

– Тогда я вынесу решение по тяжбе Стейнара с Торстейном. Я начну с того, что мой отец Грим приехал сюда в страну и занял всю землю вокруг Болот и дальше. Он поселился в Борге и определил границы своей земли. А друзьям своим он роздал земли вокруг, где они и жили с тех пор. Ани он дал Анабрекку (холм Ани), где живут теперь Анунд и Стейнар. Все мы знаем, Стейнар, где проходит граница между Боргом и Анабреккой: эта граница – ручей Хавслёк. И ведь дело было не так, Стейнар, что ты послал пасти скот на землю Торстейна, не ведая того, нет – ты присвоил его землю и думал, что он настолько недостоин своего рода, что позволит тебе ограбить себя! А ведь вы, Стейнар и Анунд, должны знать, что Ани получил эту землю от моего отца Грима! Тогда Торстейн убил двух твоих рабов. Всем понятно, что своими делами они вполне заслужили смерть и не стоят виры. Даже если бы они были свободными людьми, они бы не стоили виры. А за то, Стейнар, что ты замышлял захватить владения моего сына Торстейна, которые он получил от меня, а я получил в наследство от моего отца, – за это ты должен отдать твои земли в Анабрекке без всякого возмещения за них. И ты не должен иметь ни жилья, ни приюта здесь в округе, к югу от реки Ланги, и должен уехать из Анабрекки раньше, чем истекнут положенные дни перехода.¹⁰⁴ И тебя сможет убить каждый, кто захочет поддержать Торстейна, сразу же по истечении положенных дней перехода, если только ты не уедешь прочь или не исполнишь чего-либо из того, к чему я обязал тебя здесь.

Когда Эгиль сел, Торстейн просил присутствующих быть свидетелями этого решения. Тогда Анунд Сьони сказал:

– Люди скажут, Эгиль, что решение, которое ты вынес и объявил здесь, очень несправедливо. Обо мне можно только сказать, что я всегда стремился уладить раздоры. Но отныне я не упущу случая сделать все что смогу во вред Торстейну.

– Мне сдается, – сказал Эгиль, – что ваша судьба с сыном станет еще хуже, если наша тяжба затянется. Я думаю, Анунд, тебе надо бы знать, что мне всегда удавалось отстоять свое право перед такими людьми, как ты и твой сын. А Одд и Эйнар, которые приняли в этом деле такое большое участие, приобрели благодаря ему столько уважения, сколько они заслуживали.

LXXXIII

На тинге был также Торгейр Соня, сын сестры Эгиля. Он очень поддерживал Торстейна в этой тяжбе, и он просил отца и сына дать ему землю где-нибудь в Болотах. Эгиль принял эту просьбу благожелательно и сказал Торстейну, чтоб он пустил туда Торгейра. Они поселили его в Анабрекке, а Стейнар перебрался на ту сторону реки Ланги и поселился у ручья Лейрулёка.

Эгиль поехал домой, в Мосфелль. Отец и сын расстались дружески.

У Торстейна был человек по имени Ири, быстроногий как никто и очень зоркий. Он был чужеземцем и отпущенником Торстейна. На нем лежала забота о скоте, особенно о том, чтобы выгонять овец в горы весной и назад в загоны осенью.

После положенных дней перехода Торстейн велел собрать овец, которые еще оставались там, и погнать их в горы. Ири остался в овечьем загоне, а Торстейн со своими работниками поехал в горы. Их было восемь человек. Торстейн велел поставить на Грисартунге изгородь между озером Лангаватном и рекой Глюврой. Весной он послал многих людей на эту работу.

Посмотрев, как идет работа, он поехал домой. Но когда он проезжал мимо поля тинга, навстречу ему прибежал Ири и сказал, что хочет говорить с ним с глазу на глаз. Торстейн сказал, чтобы спутники его ехали вперед, пока он поговорит с Ири. Ири рассказал, что днем он взбирался на холм Эйнкуннир посмотреть, где овцы.

– И тут я увидел, – сказал он, – что в лесу, повыше зимней дороги, торчат двенадцать копий и блестят щиты.

Торстейн громко сказал, так, чтобы его слышали спутники:

¹⁰⁴ *Положенные дни перехода* – четыре дня в конце мая (т. е. за месяц до альтинга), когда зависимые люди переходили из одного хозяйства в другое.